

О ПЕРЕСМОТРЕ ТЕОРИИ ЕДИНСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

*И. А. Бондаренко **

Аннотация: В профессиональном сознании укоренилась убежденность в том, что одним из важнейших критериев качества планировки и застройки города является его структурная и функциональная связность, архитектурно-пространственная целостность, композиционное, масштабное, пластическое, стилистическое единство. Стремясь к этому, архитекторы склонны жертвовать частным во имя общего. Вопрос обостряется и обнаруживает существенные противоречия, когда речь заходит о сохранении объектов историко-культурного наследия. И всё же призывы к укреплению связей между старым и новым, коренным и привнесённым звучат постоянно, формируя якобы неизбежную и необходимую идеологию компромиссного контекстуализма.

Автор ставит перед собой цель развенчать эту идеологию и обосновать потребность в восприятии города как более сложного, многосоставного, даже дискретного образования, закономерно сопротивляющегося попыткам приведения всех его элементов к единому знаменателю. Всякое поселение, а тем более крупный город, мегаполис, является местом сосредоточения массы весьма различных, самодостаточных, автономных субъектов жизнедеятельности. Поэтому представляется некорректным уподобление его только одному слаженному организму. Гораздо больше подходит ему для сравнения природный ландшафт, лес, вбирающий в себя великое множество организмов.

Исходя из такого понимания города предлагается поставить во главу угла работы с ним тезис об обеспечении бесконфликтного сосуществования независимых друг от друга архитектурно-пространственных локусов, имеющих возможность и взаимодействовать, и сохранять самоизоляцию в зависимо-

* *Бондаренко Игорь Андреевич* — доктор архитектуры, академик Российской академии архитектуры и строительных наук; Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», главный научный сотрудник. 111024, Москва, Душинская ул., д. 9. Тел.: +7 (916) 185-46-96, e-mail: igor.bondarenko.54@mail.ru.

сти от своих внутренних потребностей и намерений. Этот тезис отвечает интересам установления добрососедских отношений и цивилизованного образа жизни на обширных территориях современных населенных мест, где должны проектироваться непрерывные и непересекающиеся многослойные сети отраслевых, частных и общественных пространств и коммуникаций, которые необходимы для повышения качества жизни и уровня ее безопасности, в том числе при возникновении чрезвычайных ситуаций и пандемий.

Ключевые слова: городская среда, теория единства среды, городское пространство.

ПАНДЕМИЯ коронавируса сделала очевидным тот факт, что людям для нормальной жизни требуется гораздо больше пространства. Необходимо бороться с излишней затесненностью застройки, пересматривать в сторону увеличения нормы ее плотности, а также инсоляции помещений. Хорошо известно, как в прошлом для совместной защиты от врагов создавались сверхкомпактные города-крепости. Они свидетельствуют об очень трудных временах, когда их обитатели предпочитали жить «в тесноте, да не в обиде». И это несмотря на свирепствовавшие, порой смертоносные эпидемии. Теперь ситуация стала совершенно иной: в гуще городской жизни надо бояться не только микробов, но и террористов и потому для безопасности — рассеиваться. Впрочем, горожане рассеивались в сельской местности по мере необходимости и в старину.

Уже довольно давно стали ясны результаты социального эксперимента по сосредоточению большей части населения в крупных городах и многоэтажных домах-этажерках. Этот эксперимент доведен до логического конца. Пандемия заставляет осознать это и тех, кто до последнего времени оставался во власти закосневшего стереотипа якобы прогрессивного городского образа жизни. Ясно, что мы на развилке двух путей дальнейшего движения: 1) повышать безопасность и комфорт высотных домов, то есть превращать их в роскошные небоскребы; 2) возвращаться к легкому малоэтажному, лучше всего — односемейному, усадебному жилищу. Первый путь затруднен из-за дороговизны и нежелательности обострения имущественного неравенства, а второй становится вполне логичным и предпочтительным.

Тормозом тут служат налаженное строительное производство и искусственно поддерживаемая на заоблачной высоте цена городской земли. Однако преодолеть это можно, отказавшись от приоритета развития экономики ради экономики. Задача не из простых, особенно в условиях нарастающего кризиса, но все же выполнимая, поскольку пандемия заставляет государство отдавать приоритет спасению человеческих жизней.

Строительный бизнес, конечно, так просто не откажется от своих привычек, если его не вынудят уступить развитию городского малоэтажного строительства. Такой процесс уже начался. А это самое главное, так как у людей должна появиться возможность выбора. Уверен, что многие предпочтут свой дом с участком. Тогда заработает и рынок, все более избавляясь от монополизма тяжеловесной строительной индустрии.

После такого оптимистического прогноза я хочу заострить внимание на гораздо более тонких и сложных вопросах профессионального отношения к структуре и композиции города. Это представляется важным потому, что перед нами стоят задачи и реконструкции сложившихся районов, и проектирования новых. Решать эти задачи надо не так, как было вчера, и не так, как это делается зачастую сегодня. Я давно уже размышляю о том, насколько схематична, однобока и неточна господствующая в наших умах теория единства городской планировки, застройки да и самой среды, хотя о ней стали много говорить как раз для того, чтобы избавиться от упрощенных представлений о городе.

В современном профессиональном сознании укоренилась убежденность в том, что важнейшим критерием качества города является его компактность, крепкая структурная связность и композиционная целостность (Владимиров 1999: 81–85). На достижение этого настроено архитектурно-градостроительное творчество и образование. С таких позиций оцениваются проекты на всевозможных конкурсах и смотрах.

Можно сказать, что, несмотря на все революционные, в том числе дезурбанистические порывы и достижения авангарда, общие теоретические взгляды на то, как должен быть устроен город и его среда, остались ренессансно-классицистическими, апеллирующими к высшей гармонии, насаждаемой усилиями

архитекторов на Земле. В идеале к истинному произведению искусства нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. И такое понимание «кристаллического» совершенства одного здания распространяется на город, который, по определению А. Палладио, есть «...некий большой дом...» (*Палладио* 1936: 48). Для теоретиков Ренессанса эта мысль подкреплялась авторитетом Витрувия и вместе с тем общехристианскими представлениями о Небесном Иерусалиме. В эпоху Просвещения ни у кого не оставалось сомнений в том, что городу надлежит стремиться стать единым, строго организованным, лучше всего — регулярным архитектурным ансамблем.

Получилось так, что и социалистическая революция в нашей стране, и радикальные социально-демократические движения на Западе, нацеливаясь на крушение прежних режимов, воодушевлялись очень давними (религиозными по своему происхождению) идеями установления на Земле полного порядка и справедливости — «единства, равенства и братства». На новом витке развития новые лидеры опять брали на себя миссию Демиурга. Мечтая о чем-то принципиально новом, футуристы, авангардисты и продолжившие их дело модернисты действовали порой наподобие древних тиранов, силой навязывавших бесправной толпе лучший образ жизни. В этом отношении они мало чем отличались от архитекторов-неоклассиков, востребованных тоталитарными режимами XX в.

Характерным примером такого высокомерного отношения архитектора к традициям частнособственнического строительства служит высказывание А. П. Иваницкого в статье о подготовке конференции по вопросам восстановления и оздоровления городов и селений после Первой мировой войны: «Как оно [восстановление разрушенных городов и деревень] совершится, — стихийно, силами самого возвращающегося на свои места населения, без общего планомерного руководства, в старых формах, не отвечающих требованиям целесообразности, гигиены и экономики, или же дело восстановления городов пойдет по какому-то плану и будет осуществляться в формах целесообразных и рациональных?» (*Иваницкий* 1917: 137–138)*.

* Благодарю Ю. Д. Старостенко за указание на данную публикацию.

Таким образом, возобладавший было благодаря капитализму древнейший принцип спонтанного и постепенного, «индуктивного» формирования поселений был вновь отвергнут и замещен принципом «дедукции», то есть выведения частного из общего*. Для советского планового хозяйства это было само собой разумеющимся. На Западе все оказалось сложнее благодаря сохранению частной собственности и рыночных отношений. Но и там большую силу набрал модернизм с его тягой к правильным геометризованным планировкам. Особенно этому поспособствовали программы послевоенного восстановления городов и обеспечения населения стандартизированным социальным жилищем (Лтичникова 1999).

Воспитанные на этом поколения современных архитекторов всегда стремятся возглавить управление градостроительными процессами. Они вполне готовы жертвовать частным во имя общего. Они считают полезным прикомпоновывать одно к другому, собирать разрозненное в единые блоки, даже в целом определять форму нового сооружения исходя из градостроительной ситуации и задач ее композиционного исправления, артистического «отрисовывания».

Вопрос, однако, стал всё более обостряться и обнаруживать наличие глубоких противоречий в связи с растущей заботой о сохранении памятников архитектуры и градостроительного искусства, а также естественной природы. Ведь каждый из таких памятников требует своего специфического средового контекста, своей собственной пространственной ауры.

Несмотря на это, продолжают с упорством звучать призывы к укреплению композиционных связей между историческими и современными да и просто разными объектами. Считается, что нехорошо, когда одно с другим не вяжется, когда памятники архитектуры выпадают из нового контекста. Они непременно должны встраиваться в него и «жить» в нем, а не превращаться в бездушные музейные экспонаты!

Против такой закоренелой логики возражать трудно, но необходимо. Один видный архитектор в полемике со мной по пово-

* Дефиницию индуктивного и дедуктивного принципов формирования городов ввела в историко-градостроительную науку Т.Ф.Саваренская (Саваренская 1987: 65–128; Владимиров 1999: 79–81).

ду несовместимости нового со старым энергично высказался: «Ничего, стерпится-слубится!» Но ведь есть и другая мудрая поговорка: «Насильно мил не будешь».

Я принципиальный противник насилия и над людьми, и над архитектурой. Подавление душит жизнь, а в состоянии покоя, на свободе, она набирает силу и расцветает. Музейные экспонаты, так же как и законсервированные архитектурные памятники, хранят в себе духовную энергию, которая способна излучаться и оживотворять место. Надо только предоставлять ей такую возможность. И при этом вполне допустима деликатная современная эксплуатация памятников.

Неприятие вызывает у меня и нарочитое заигрывание с наследием, пародирование его форм и принуждение к диалогу, зачастую некорректному. Меня коробит возникающая тут невольно аналогия с надругательством победителей над побежденными, так же как и молодых над старыми, а тем более мертвыми. Я решительно против подавления и искажения подлинных историко-культурных ценностей! Кажется, что они имеют только научное значение, но на самом деле наука приводит со временем к обнаружению и освоению этих ценностей широкими слоями населения.

Потребность в примирении обозначенных противоположных позиций порождает якобы неизбежную и единственно верную идеологию компромиссного контекстуализма, которая на самом деле пагубна, так как принуждает каждый элемент города служить интересам целого, априори поступаясь своими собственными. В развитие этой идеологии вырабатываются концепции создания некой симбиотической, гибридной, интегрированной среды, где достигается эффект «эмерджентности», то есть у системы появляются свойства, не присущие ее элементам в отдельности (Вавилонская 2015; Сапрыкина 2020). Иными словами, все составляющие этой среды приходят к такому тесному и необходимому взаимодействию, что теряют самостоятельность уже окончательно и бесповоротно. А если так, то они перестают быть полноценными «организмами», «микромирами», имеющими свою собственную волю к жизни.

Конечно, симбиоз между разнородными организмами в природе существует. В исторически сложившейся городской среде

нечто подобное нередко ощущается и довольно отчетливо. Однако то, что произошло когда-то по воле случая, точнее, многих и не всегда счастливых случаев в ходе длительного течения времени, невозможно воспроизвести одномоментно. Можно лишь более или менее правдоподобно имитировать перипетии исторического процесса. Н. П. Крайняя оценивала появление в последнее время такого рода имитаций сложносотканной исторической городской застройки весьма положительно (*Крайняя 2008*). С ней нельзя не согласиться в том отношении, что это делает среду гораздо более человечной и природосообразной. И всё же результат получается бутафорией, симулякром.

Очень глубоко прорабатывает вопрос о городской среде как «пространстве художественной интеграции» М. В. Дуцев (*Дуцев 2020*). Его подкрепляющиеся всегда замечательными примерами умозаключения о множественности взаимных объектно-субъектных связей, пронизывающих архитектурно-пространственную ткань городов, резонны и поучительны. Они касаются по большей части таких ситуаций, где происходит более или менее органическое встраивание нового в старое.

Мой ход мысли отличается только тем, что противится чрезмерной интенсификации использования пространства и перенасыщения его смыслами и функциями. Если городская среда сложилась, приобрела культурную и архитектурно-художественную ценность, то разве можно в нее вмешиваться? Есть мудрая русская поговорка: «От добра добра не ищут».

До последнего времени весь мир был настроен как раз на интенсификацию общественных контактов и связей в городской среде, видел в этой интенсификации живительную силу социального примирения и развития. Я же всё время беспокоился о превышении меры допустимого, о том, что общество потребления впадает в крайности, превращая городскую среду в навязчивую бесструктурную мешанину, отчего обитание в ней становится невыносимым. И призывал создавать хорошо артикулированную, умиротворенную, бесконфликтную среду (*Бондаренко 2013*). Сейчас вдруг эти соображения приобрели очевидную актуальность.

Нельзя не отметить, что там, где преобладают новостройки, среда получается совсем не той, что в исторических частях горо-

дов. При бесконечном мультиплицировании жилых ячеек одного, вроде бы человеческого масштаба, архитектурно-пространственное единство никак не возникает. Возникает неприятное ощущение уныния в сочетании с раздражением, заставляющее рефлекторно притуплять восприятие. Еще хуже получается, когда стараются проявить заботу о разнообразии среды путем возведения по соседству разнотипных объемов. Возникает порой просто какофония нависающих над прохожими и агрессивно спорящих между собой чужеродных параллелепипедов.

Довольно естественной реакцией на это становится требование осуществлять непременно комплексную, целостную, одномоментно спроектированную, предпочтительно регулярную, то есть подчеркнуто упорядоченную квартальную застройку, для которой надо беспощадно расчищать немалые территории. Это ведет к тому, что города наши разрастаются как огромные и всё более и более плотные строительные массивы. Именно строительные — бездушные и бессмысленные, сколь бы ни улучшалось качество их отделочных материалов.

Между некоторыми частями этих массивов еще остаются разрывы, но с ними борются, считая, что негоже городу дробиться и разваливаться на обособленные куски. Разумным считается делать специальные «буферные» вставки между отдельными градостроительными образованиями, смягчающие контрасты и как бы заживляющие раны, «исцеляющие» разорванную или недоформированную селитебную ткань. При этом забвению предается важнейший постулат теории градостроительства: в процессе разрастания поселения не следует допускать эффекта «масляного пятна» (Селар 1962). Ясно, что этот постулат противоречит интересам строительного бизнеса, связанным с высокой стоимостью земли, которую невыгодно оставлять пустующей.

Не так давно в связи с реформой местного самоуправления на местах обширных городских районов возникли округа, которые стали тут же трактоваться как территории собственно городские, несмотря на то, что на них расположены деревни и дачи, поля и леса. Над ними нависла угроза тотальной урбанизации. В Подмосковье создано много таких округов, отождествляемых с городами, где деревенских жителей в официальных документах уже именуют горожанами, а за машину, стоящую

на траве, выписывают штраф, как в городе за въезд на газон! Это мало чем отличается от придания городского статуса территории Новой Москвы.

Вернуться к прошлому вряд ли возможно, но оказать сопротивление возникшему тренду необходимо. Вот почему представляется важным прийти к согласию в том, что современные города должны не «замоноличиваться», а наоборот, становиться всё более «гетерогенными», многосоставными и достаточно просторными, имеющими возможность полноценно оберегать и культивировать на своих территориях архитектурную и природную среду во всем ее великом многообразии. Следует решительно отказаться от давнего антагонизма между городом и деревней и сложившегося на этой почве представления о том, что в современных городах не место для садов и огородов, свойственных так называемому «частному сектору».

По сути дела, города формируются по принципу агломерации с ее изначально полицентрической структурой, которой противопоказано превращаться в слипшуюся «гомогенную» массу. Это означает, что надо совершенно сознательно отказаться от композиционного объединения и «сращивания» разнородных элементов и, наоборот, заняться методичным размежеванием, даже «раскомпоновкой» их во имя того, чтобы один не мешал другому, не налезал, не давил и не подстраивался там, где его не просят, а деликатно отходил в сторону, обособлялся и «знал свое место».

Если следовать такой градостроительной политике, соотносящейся с правилами хорошего тона в отношении общественного поведения, среда жизнедеятельности станет гораздо более умиротворенной, комфортной, богатой и привлекательной. Ее должны пронизывать многочисленные пространственные зазоры, нейтральные полосы, способные предоставлять людям всегда большой выбор путей сообщения и передвижения. Особенно важны непрерывные пешеходно-велосипедные коридоры в виде скверов и парков, переходящих в лесные полосы, тянущиеся из пригородов. Когда мы перестанем экономить на этом, в городах не будет возникать заторов при экстренной эвакуации, не будет трудностей и в соблюдении санитарной дистанции во время эпидемий.

Обосновывая высказанную мысль, хочу обратить внимание на то, что сочетание разнохарактерных форм в пространстве бывает более удачным и убедительным, когда видно, что они относятся к совершенно разным градостроительным, типологическим и стилистическим системам. Как хорошо, например, когда храмы не втянуты в окружающую застройку, а обособлены от нее! Они ведь и по существу своему должны быть «не от мира сего».

Приведу еще один показательный пример: слабоорганизованное, отданное в основном транспорту пространство перед Боровицкими воротами Московского Кремля. В конце XX в. появилось намерение создать здесь достойный ансамбль Боровицкой площади. В 1997 г. был проведен архитектурный конкурс (Ткаченко 2016). Большинство его участников увлеклись прорисовкой регулярных колоннад, портиков и эскадр в развитие осевой классицистической композиции дома Пашкова. Мне было ясно, что такое решение нанесет непоправимый ущерб данному уникальному пространству, характерному для древнерусских городов. Очень был рад услышать от М. В. Нащокиной, участвовавшей в конкурсе в качестве научного консультанта коллектива, возглавлявшегося С. Б. Ткаченко, что следует сохранить здесь «средневековое пространство». Так, безусловно, много лучше, когда Кремль и застройка противоположного берега Неглинки не скрепляются, а только «смотрят» друг на друга издали, через бывшую речную пойму.

Говоря о составных частях одного биологического существа, можно находить их узко специализированные функции оправданными и естественными, но, рассуждая о городе, мы должны осознавать, что это вовсе не «существо», а обитающий в нем человек — не «часть», не «элемент», не какой-нибудь «орган» или «жилка», а полнокровный субъект жизнедеятельности, своего рода «микрокосм в макрокосме». Потому-то и не удастся создать стабильно работающую и оптимальную на все случаи жизни градостроительную систему, что люди не закрепляются в ней раз навсегда. Их жизненные интересы отнюдь не сводятся к городским функциям да и меняются со временем. Вот почему оказался несостоятельным модернистский принцип жесткого функционального зонирования города и ушел в прошлое техницистский

образ человека — «винтика», обеспечивающего функционирование большого государственного «механизма».

Считается, что «жить в обществе и быть свободным от общества» невозможно. На самом деле существуют очень разные степени зависимости и свободы. Сильные мира сего вольны обитать в просторных имениях, а слабые вынуждены тесниться в ячейках многоквартирных домов. Этот факт явно указывает на то, что существует настоятельная потребность в повышении возможностей и широких слоев населения поселиться в односемейных домах со своими земельными участками (Боков 2019: 172–179). Известно, что такие дома дешевле и безопаснее многоэтажных как в процессе строительства, так и в эксплуатации. При этом усадьбу нельзя не признать наилучшим и самым богатым по своей сути типом жилища. На протяжении веков и тысячелетий люди предпочитали обитать именно в таком типе жилища. И не только в деревнях и пригородах, но и в центральных кварталах городов.

Что препятствует массовому возрождению усадебного строительства сегодня? Пресловутая цена земли, налаженная строительная индустрия и стереотипное сознание, что важнее всего. Однако экономические резоны могут быть разными. Надо признать, что они имеют прикладное, а не фундаментальное значение. Но главное: каковы бы ни были эти резоны, они не могут считаться более весомыми, нежели насущная потребность в повышении качества жизни путем существенного изменения застарелой идеологизированной градостроительной политики, порождающей удручающую и просто опасную среду крупного современного города.

По социальному существу своему город всегда был и остается не чем иным, как соседской общиной. Другое дело, что община эта стала теперь переусложненной и бюрократизированной, мало похожей на общину патриархальную. Я не собираюсь обсуждать здесь плюсы и минусы родового строя древнего общества, но призываю задуматься над базовыми принципами достижения общественного согласия. Важнейший из них — право каждого свободного семейного гражданина на землю и пространство, на частную жизнь в своем наследственном домовладении. А главное — право выбора места и образа жизни. Это

означает, что у человека должна быть достаточная «свобода от общества» и право вето на решения, ущемляющие его интересы. Сейчас запрос на свободу личности стал гораздо выше, чем в прежние времена, однако градостроительство настроено резко против его удовлетворения. Можно подумать, что остаются в силе требования принуждения людей к унифицированному коллективизму. Но ведь это ушло вместе с эпохой. Общество ждет от архитектуры и градостроительства совсем другого.

В архитектуре непременно должна проявляться воля хозяина и жителя. Без нее городская ткань становится казенной и черствой. К сожалению, тенденция наблюдается противоположная: стандартизация, типизация, индустриализация... Правда, архитекторы пытаются внести в современную застройку разнообразие и индивидуальность, но это возможно только в надуманном, игровом режиме, что обусловлено преобладанием массового производства недвижимости не на заказ физическим лицам, а для продажи или сдачи в аренду.

Итак, суть данной статьи состоит в призыве пересмотреть упрощенное представление о целостности города, давно уже проявляющее свою несостоятельность и несправедливость. Убежден, что существует потребность воспринимать город как многосоставное, дискретное, даже лоскутное и разножанровое объемно-пространственное образование, недаром сплошь и рядом оказывающее сопротивление попыткам приведения всех его элементов к общему знаменателю.

Весомым подкреплением данной позиции послужил для меня пленарный доклад Президента РААСН А. В. Кузьмина на Общем собрании Академии 2015 г., посвященном теме: «Среда жизнедеятельности — национальный приоритет России. Формирование и реализация». Красной нитью в этом ярком выступлении была проведена мысль о том, что «не может быть идеальной среды жизнедеятельности — нет того, к чему мы все должны стремиться. Есть приверженность людей к тому или иному образу жизни...». Стремление к идеальной среде «в конечном счете приведет к единообразию не только жилой среды, но и сознания людей» (Кузьмин 2015).

Всякое поселение, тем более крупный город, мегаполис является местом сосредоточения огромного числа разнородных

объектов архитектурного, инженерного и природного происхождения. Поэтому представляется совершенно некорректным уподобление города только одному слаженному «существу» или «организму». Город — не существо и не организм, а лишьместилище для множества организмов, которые должны иметь возможность благополучно жить в его пространстве. Поэтому гораздо лучше подходит для сравнения с городом природный ландшафт, лесной массив во всем его великом ботаническом и зоологическом разнообразии.

Исходя из такого понимания города, считаю нужным поставить во главу угла тезис об обеспечении дружественного и деликатного сосуществования многообразных и в достаточной мере автономных архитектурно-пространственных локусов, имеющих возможность и взаимодействовать, и сохранять самоизоляцию в зависимости от возникающих потребностей и намерений. Этот тезис отвечает интересам установления добрососедских отношений и цивилизованного образа жизни на обширных территориях современных населенных мест, где должны проектироваться множественные, наслаивающиеся, но не мешающие друг другу сети общественных, отраслевых, частных архитектурных объектов и пространств самых разных функций, характеров и масштабов.

Говоря о самодостаточности и автономии наполняющих город архитектурных и природных объектов, я отнюдь не собираюсь поощрять хаос. Понятно, что чем больше индивидуальной свободы, тем важнее соблюдение общественного порядка, этикета, общепризнанных правил, которые должны быть прочными, хотя и не слишком жесткими, хорошо пригнанными к месту. Как прекрасен тот же лес своей общей атмосферой, слаженностью, близостью многих растительных форм, образующих группы, но вместе с тем и разнообразием, пронизанностью насквозь пространством, бесконечной композиционной свободой и изменчивостью! А еще и тем, что в нем могут и прибавляться, и убавляться отдельные деревья без ущерба для общей — множественной — целостности.

И. А. Азизян много писала о взаимодействии искусств, их пространственных «диалогах», об эффекте «полифонии», возникающем в художественно насыщенной городской среде (Азизян 2008). Это очень существенная тема, восходящая к идеям М. М. Бахти-

на и активно развиваемая сегодня М. В. Дуцевым. Акцент в ней ставится не на синтезе, а на живом взаимодействии элементов, каждый из которых сохраняет свое «я». Это побуждает проводить параллели между сложной «полифонией» городской среды и звучанием большого симфонического оркестра.

Главные архитекторы городов иногда льстят себе сравнениями с дирижерами, а то и с композиторами. Однако, исходя из уподобления города лесу, я должен констатировать некорректность таких сравнений. Городская среда, так же как и природная, не находится во власти одного-единственного композитора. Она наполнена независимыми друг от друга энергетическими импульсами, своего рода «шорохами» и «звуками», некой выходящей из застывшего состояния «музыкой», свойственной отдельным зданиям, но в общем пространстве не выстраивающейся в стройную мелодию.

Лучше подходит для сравнения с эмоциональным «звучанием» среды — и городской, и природной — церковный демественный распев, практиковавшийся в Древней Руси. В таком распеве каждый ведет свою тему параллельно с другими без претензий на лидирующую роль и созвучие. В результате возникает завораживающее, по-особому шумящее многоголосие, которое сродни колокольному звону. Этот замечательный факт применительно к архитектуре впервые отметил и охарактеризовал Н. Ф. Гуляницкий (Гуляницкий 1988). В нем мне видится ключ к проникновению в сущность проблемы многосоставного среднего единства. Такого единства, которое можно назвать органическим, но не абсолютным и потому не вполне отвечающим классическому определению Ф. Л. Райта: «...Целое так относится к части, как часть к целому...» (Райт 1960: 33)*.

Подытоживая всё вышесказанное, можно сказать, что я предлагаю реабилитировать индивидуальный, «штучный» подход к проектированию каждого здания и каждого комплекса и не допускать того, чтобы они теснились и насильственно «спекались» в монолитные конгломераты. Им подобает достаточно уверенно, вольготно, с подобающими отступлениями от красных линий

* Здесь имеется в виду, надо полагать, равная потребность как целого в своих частях, так и частей в объединяющем их целом.

располагаться на своих участках, создавая пронизанную воздухом, «пористую», «диффузную» и нежесткую, живописную градостроительную структуру. Чрезвычайно рад был обнаружить понимание этого вопроса у авторов стратегии «реновации» средневекового ядра города Алжира — Касбы, согласно которой все гражданские здания там должны и впредь сохранять свою пространственную автономию и архитектурную индивидуальность. Этот показательный пример разобрала в своей новейшей работе И. В. Кукина (Кукина 2020: 258).

Современные города нуждаются не столько в выразительных архитектурных «аккордах» и «созвучиях», сколько в устранении вопиющих «диссонансов». Поэтому требуется не принуждение к миру контрастирующих и конфликтующих сторон, а их всемерное разведение, пространственное и визуальное обособление. Нужно думать и об исправлении грубых ошибок путем, образно говоря, «пропалывания сорняков», убивающих тот «цветник», которому может быть уподоблен прекрасный город. Рискованная тема — совершенствование городской среды. Многие ее стороны, но от этого она не становится легче.

В заключение хочу вспомнить о пропагандируемой многими молодыми архитекторами концепции превращения жилых районов массовой индустриальной застройки в «живые районы» (*Живой город*). Эта концепция принадлежит тому охарактеризованному выше тренду интенсификации использования городских территорий, который должен теперь отойти в прошлое. Насыщение спальных районов торгово-развлекательными функциями далеко не всегда и не всеми воспринимается положительно, поскольку люди нуждаются в тишине и покое, которых явно недостает в современном мегаполисе. Но в архитектурно-художественном смысле сделать такие районы «живыми» было бы весьма желательно. А на это и нацелены все мои вышеприведенные доводы.

Библиографический список

- Азизян 2008 — Азизян И. А. Диалог искусств XX века: очерки взаимодействия искусств в культуре. М.: URSS, 2008.
- Боков 2019 — Боков А. В. Город-гибрид. О социокультурных предпосылках формирования российского пространства // Архитектура и культура

- России в историческом взаимодействии / отв. ред. И. А. Бондаренко. СПб.: Коло, 2019. С. 135–193.
- Бондаренко 2013 — Бондаренко И. А. Бесконфликтное соседство // Градостроительство. 2013. № 6 (28). С. 43–45.
- Вавилонская 2015 — Вавилонская Т. В. Симбиотическая регенерация архитектурно-исторической среды Самарского Поволжья // Архитектура и строительство России. 2015. № 10 (214). С. 12–21.
- Владимиров, Саваренская, Смоляр 1999 — Владимиров В. В., Саваренская Т. Ф., Смоляр И. М. Градостроительство как система научных знаний. М.: УРСС, 1999. (Труды Российской акад. архитектуры и строительных наук (РААСН). Серия «Теоретические основы градостроительства».)
- Гуляницкий 1988 — Гуляницкий Н. Ф. Колокол в древнерусской архитектуре // Архитектурное наследство. 1988. Вып. 36. С. 65–74.
- Дуцев 2020 — Дуцев М. В. Пространственные связи. Художественная интеграция в городской среде // Теория и история архитектуры. 2020. Вып. 1: XI Иконниковские чтения. С. 141–175. URL: http://www.sectioaureaseries.org/uploads/releases_PDF/001/%Do%A2%Do%98%Do%901_%Do%94%D1%83%D1%86%Do%B5%Do%B2.pdf.
- Живой город — Благотворительный фонд «Живой город». [Электронный ресурс.] URL: <http://живой.рф> (дата обращения: 15.02.2021).
- Иваницкий 1917 — Иваницкий А. Восстановление разрушенных городов // Известия Всероссийского союза городов. 1917. № 50/51. С. 137–161.
- Крайняя 2009 — Крайняя Н. П. Кризис урбанизма и пути его преодоления // Вопросы теории архитектуры. Архитектура и культура России в XXI веке: сб. науч. тр. и докл. на Четвертых и Пятых Иконниковских чтениях / под ред. И. А. Азизян. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 330–337.
- Кузьмин 2015 — Кузьмин А. В. Среда жизнедеятельности — национальный приоритет России. Формирование и реализация // Промышленное и гражданское строительство. 2015. № 7. С. 6–9.
- Кукина 2020 — Кукина И. В. Стратегия развития Касбы в городе Алжире // Реновация городской среды. Исторические прецеденты: рукопись научного отчета / рук. И. А. Бондаренко. М., 2020. С. 236–264.
- Палладио 1936 — Палладио А. Четыре книги об архитектуре Андреа Палладио, в коих, после краткого трактата о пяти ордерах и наставлений, наиболее необходимых для строительства, трактуется о частных домах, дорогах, мостах, площадях, кситах и храмах: в 2 т. / пер. И. В. Жолтовского. М.: Изд-во ВАА, 1936. (Классики теории архитектуры / под общ. ред. А. Г. Габричевского.)

- Птичникова* 1999 — Птичникова Г.А. Градостроительство и архитектура Швеции, 1980–2000. СПб.: Наука, 1999.
- Райт* 1960 — Райт Ф.Л. Будущее архитектуры / пер. с англ. А.Ф. Гольдштейна; под ред. А.И. Гегелло. М.: Госстройиздат, 1960.
- Саваренская* 1987 — Саваренская Т.Ф. Западноевропейское градостроительство XVII–XIX веков: эстетические и теоретические предпосылки. М.: Стройиздат, 1987.
- Сапрыкина* 2020 — Сапрыкина Н.А. Интегрированное формирование обитаемого пространства как экологическая альтернатива // *Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования Российской академии архитектуры и строительных наук по научному обеспечению архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2018 году*: сб. науч. тр. РААСН. Т.1. М.: АСВ, 2020. С.167–175.
- Селф* 1962 — Селф П. Города выходят из своих границ: проблема роста городов Великобритании / сокр. пер. с англ. М.О. Хауке. М.: Госстройиздат, 1962.
- Ткаченко* 2016 — Ткаченко С.Б. Творческие архитектурно-градостроительные конкурсы и их влияние на генеральные планы городов: на примере Москвы: автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 2016.

ON THE REVISION OF THE THEORY OF UNITY OF THE URBAN ENVIRONMENT

I. A. Bondarenko *

Abstract: The professional consciousness has a conviction that one of the most important criteria of the quality of the city's layout and urban environ-

* *Bondarenko Igor Andreevich* — Dr. habil. (Architecture), academician of the Russian Academy of Architecture and Construction; Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation, principal research fellow. 9, Dushinskaya st., Moscow, Russia. Tel.: +7 (916) 185-46-96, e-mail: igor.bondarenko.54@mail.ru.

ment is its structural and functional coherence, architectural and spatial integrity, compositional, scale, plastic, and stylistic unity. Striving for this, architects tend to sacrifice the individual parts in the name of the general concept. The issue becomes acute and reveals significant controversy when it comes to the preservation of historical and cultural heritage. And yet calls for strengthening the relationship between old and new, the indigenous and the imported are constantly heard, forming an ideology of allegedly inevitable and necessary compromise contextualism.

The author aims to debunk this ideology and justify the need to perceive the city as a more complex, multi-component, even discrete entity, which naturally resists the attempts to bring all its elements to a common denominator. Any settlement, let alone a large city, a megalopolis, is a place of the concentration of a mass of very different, self-sufficient, autonomous subjects of vital activity. Therefore, it seems incorrect to liken it only to one coherent organism. A natural landscape, a forest, which absorbs a great number of organisms, is a much more suitable comparison.

Based on this understanding of the city, it is proposed to put at the forefront the thesis of ensuring the conflict-free coexistence of independent architectural and spatial loci that have the ability to interact and maintain self-isolation, depending on their internal needs and intentions. This thesis corresponds to the interests of establishing good-neighborly relations and a civilized way of life in the vast territories of modern human settlements, where continuous and non-intersecting multi-layered networks of industrial, private, and public spaces and communications must be designed to improve the quality of life and its safety, including in the event of emergencies and pandemics.

Keywords: urban environment, theory of environmental unity, urban space.

REFERENCES

- Azizyan I. A. *Dialog iskusstv 20 veka: ocherki vzaimodejstviya iskusstv v culture (Dialogue of the Arts in the XX Century: Essays on the Interaction of Arts in Culture)*. Moscow: URSS Publ., 2008 (in Russian).
- Bokov A. V. *Gorod-gibrid. O sociokulturnyh predposylkah formirovaniya Rossijskogo prostranstva. Arhitektura i kultura Rossii v istoricheskom vzaimodejstvii (The Hybrid City. On the socio-cultural preconditions for the formation of Russian space)*. Saint Petersburg: Kolo Publ., 2019, pp. 135–193 (in Russian).
- Bondarenko I. A. *Beskonfliktnoe sosedsstvo (Conflict-free neighborhood)*. *Gradostroitelstvo*, no. 6 (28), 2013, pp. 43–45 (in Russian).

- Vavilonskaya T.V. *Simbioticheskaya regeneraciya arhitekturno-istoricheskoy sredy Samar-skogo Povolzhya (Symbiotic regeneration of the architectural and historical environment of the Samara Volga Region)*. Arhitektura i stroitelstvo Rossii, no. 10 (214), 2015, pp. 12–21 (in Russian).
- Vladimirov V.V., Savarenskaya T.F., Smolyar I.M. *Gradostroitelstvo kak sistema nauchnyh znaniy (Urban planning as a system of scientific knowledge)*. Moscow: URSS, Publ., 1999. (Trudy Rossijskoj akad. arhitektury i stroitelnyh nauk.) Seriya «Teoreticheskie osnovy gradostroitelstva» (in Russian).
- Gulyanickij N.F. *Kolokol v drevnerusskoj arhitekture (Bell in ancient Russian architecture)*. Arhitekturnoe nasledstvo, Vol. 36, 1988, pp. 65–74 (in Russian).
- Ducev M.V. *Prostranstvennye svyazi. Hudozhestvennaya integraciya v gorodskoj srede (The Space connections. Artistic integration in the urban environment)*. Teoriya i istoriya arhitektury, Vol. 1: 11 Ikonnikovskie chteniya, 2020, pp. 141–175. URL: http://www.sectioaureaserie.org/uploads/releases_PDF/001/%D0%A2%D0%98%D0%901_%D0%94%D1%83%D1%86%D0%B5%D0%B2.pdf (access date: 15.02.2021) (in Russian).
- Ivanickij A. *Vosstanovlenie razrushennyh gorodov (Rebuilding destroyed cities)*. Izvestiya Vserossijskogo Soyuza Gorodov, no. 50/51, 1917, pp. 137–161 (in Russian).
- Krajnyaya N.P. *Krizis urbanizma i puti ego preodoleniya (The Crisis of Urbanism and Ways to Overcome it)*. Voprosy teorii arhitektury. Arhitektura i kultura Rossii v 21 veke. Moscow: Librokom Publ., 2009, pp. 330–337 (in Russian).
- Kuzmin A.V. *Sreda zhiznedeyatel'nosti — nacionalnyj prioritet Rossii. Formirovanie i realizaciya (The living environment is a national priority for Russia. Formation and realization)*. Promyshlennoe i grazhdanskoe stroitelstvo, no. 7, 2015, pp. 6–9 (in Russian).
- Kukina I.V. *Strategiya razvitiya Kasby v gorode Alzhire (Strategy for the Development of the Kasbah in the City of Algiers)*. Renovaciya gorodskoj sredy. Istoricheskie precedenty: rukopis nauchnogo otcheta. Moscow Publ., 2020, pp. 236–264 (in Russian).
- Palladio A. *Chetyre knigi ob arhitekture Andrea Palladio, v koih, posle kratkogo traktata o pyati orderah i nastavljenij, naibolee neobhodimyh dlya stroitelstva, traktuetsya o chastnyh domah, dorogah, mostah, ploshadyah, ksistah i hramah: v 2 t. (Four books on architecture by Andrea Palladio, in which, after a brief treatise on the five orders and the precepts most necessary for construction, he treats of private houses, roads, bridges, squares, xicles, and temples)*. Moscow: VAA Publ., 1936 (in Russian).
- Ptichnikova G.A. *Gradostroitelstvo i arhitektura Shvecii, 1980–2000 (Urban Planning and Architecture in Sweden, 1980–2000)*. Saint Petersburg: Nauka Publ., 1999 (in Russian).

- Rajt F.L. *Budushee arhitektury (The Future of Architecture)*. Moscow: Gosstrojizdat Publ., 1960 (in Russian).
- Savarenskaya T.F. *Zapadnoevropejskoe gradostroitelstvo 17–19 vekov: esteticheskie i teoreticheskie predposylki (Western European town planning of the 17th–19th centuries: aesthetic and theoretical preconditions)*. Moscow: Strojizdat Publ., 1987 (in Russian).
- Self P. *Goroda vyhodyat iz svoih granic: problema rosta gorodov Velikobritanii (Cities are moving out of their borders: the problem of urban growth in Great Britain)*. Moscow: Gosstrojizdat Publ., 1962 (in Russian).
- Tkachenko S.B. *Tvorcheskie arhitekturno-gradostroitelnye konkursy i ih vliyanie na generalnye plany gorodov: na primere Moskvy (Creative architectural and urban planning competitions and their impact on the master plans of cities: on the example of Moscow): avtoreferat dissertacii ... kandidata arhitektury (Ph. D. dissertation)*. Moscow Publ., 2016 (in Russian).